

Сарчин Рамиль Шавкетович

"ДЕТСКАЯ" ТЕМА В СТИХАХ ФАТИХА КАРИМА 1930-Х ГОДОВ

Статья посвящена исследованию стихотворений Фатиха Карима 1930-х гг. "детской" тематики. Стихи поэта о детях и для детей составляют одну из самых лирико-сокровенных страниц его творчества. С ними связаны наиболее зрелые художественные достижения творца. Особое место отводится сравнительно-сопоставительному анализу первоисточника стихотворения "Беренчен бала" ("Первый ребёнок") и его поэтического перевода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. II. С. 151-153. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

**LIVE MATERIAL AND THE HERO OF ADVENTURE LITERATURE
OF THE PEOPLES OF THE VOLGA-URAL REGION****Savirova Marina Petrovna**, Ph. D. in Philology, Associate Professor*The Ulianov Chuvash State University**marina.savirova@yandex.ru*

The article is devoted to the study of adventure genres in national literature, their manifestation in artistic practice. The origins of the Chuvash adventure literature are identified, the specificity of the genre-formative factors of adventure literature is considered. The typology of the plot of appropriate works and the images of the heroes, the nature of narration in adventure genres are presented. The adventure and detective-adventure works of the literature of the peoples of the Volga-Ural region are analyzed.

Key words and phrases: adventure genre; detective story; psychology of hero; adventure plot; artistic world; novel; national literature.

УДК 82.0

Филологические науки

Статья посвящена исследованию стихотворений Фатиха Карима 1930-х гг. «детской» тематики. Стихи поэта о детях и для детей составляют одну из самых лирико-сокровенных страниц его творчества. С ними связаны наиболее зрелые художественные достижения творца. Особое место отводится сравнительно-сопоставительному анализу первоисточника стихотворения «Беренчен бала» («Первый ребёнок») и его поэтического перевода.

Ключевые слова и фразы: татарская поэзия; лирика; тема детства; «малая родина»; поэтический перевод; сравнительно-сопоставительный анализ.

Сарчин Рамиль Шавкетович, к. филол. н.*Академия наук Республики Татарстан, г. Казань**rsarchin@yandex.ru***«ДЕТСКАЯ» ТЕМА В СТИХАХ ФАТИХА КАРИМА 1930-Х ГОДОВ[©]**

Всё большее проникновение в творчество «личных» мотивов, связанных с обстоятельствами собственной биографии, «очеловечивает» лирику Фатиха Карима, придавая ему «лица необщее выражение». В свете развития его поэзии немаловажную роль играет мотив «малой родины», до отдельной тематической группы не разросшийся, но как воспоминание высвечивающий дорожке сердцу места детства и в этом смысле уводящий в истоки «детских» (о детях и для детей) стихов, поэм и прозы.

Одно из ярких событий детства нашло отражение в стихотворении «Истэлек» («Воспоминание»), самой интонацией, воплощённой в сложной «смеси» самоиронии и тоски, передающей светлую грусть автора о навеки утраченном детском «рае». Подобные «Истэлек» стихи, посвящённые детям, воспринимаются как самые «светлые», «тёплые», самые душевные.

Того же свойства – стихотворение «Сез...», в комментарии к которому З. М. Мазитов предположил, что оно, возможно, являлось отрывком из какого-то произведения [4, с. 312]. Но, несмотря на свой малый размер, оно достойно быть названным полноценным творением: «Сез – / Яңа ил матур балалары, / Сез – куанычы көрәшче зурларның. / Сез – / Илебезнең йолдыз, чәчәкләре, / Сез – / кояшның якты нурлары» [Там же, с. 280]. / «Вы – / Прекрасные дети новой страны, / Вы – отрада взрослых борцов. / Вы – / Звёзды, цветы нашей страны, / Вы – светлые лучи солнца» (*здесь и далее построчные переводы с татарского выполнены автором – Р. С.*). «Детская» тема здесь так сильна, самодостаточна, что даже традиционные образы-символы романтической лирики Фатиха Карима, призванные изначально передавать пафос «жизнестроительной», «преобразовательной» эпохи, обретают несвойственный им доселе ракурс. Метафорические (не отвлечённо символические) образы цветов, звёзд, солнца, которыми «одариваются» «дети новой страны», начинают «светить» в народно-песенном ключе, они словно пришли в стихи поэта из колыбельных. И при всей «громкости» этого «вы» – будто сказаны в узком кругу самых близких.

С темой детства, с образами детей связаны два шедевра не только лирики Фатиха Карима, но, как нам представляется, и вообще татарской поэзии. Это стихотворения 1936 года: «песня маленьких» «Яз житэ» («Весна наступает»), положенное на музыку татарским композитором Джаудатом Файзи, и стихотворение, посвящённое старшей дочери Аде, «Күбэлэк» («Мотылёк»), переведённое впоследствии А. А. Ахматовой. Такой творческий «прорыв» в конце рассматриваемого нами периода свидетельствует об окончательно обрётённом поэтическом голосе, со всеми присущими каримовской лирике интонациями, образами, мотивами и решениями.

[©] Сарчин Р. Ш., 2015

Младшая дочь поэта Лейла Фатиховна однажды высказала предположение, что, возможно, у её родителей, помимо неё с Адой, был ещё первенец – мальчик, рождённый в 1931 либо в начале 1932 года. Свидетельством этого факта, никогда не высказываемого вслух её матерью, может служить стихотворение Фатиха Карима «Беренче бала» («Первый ребёнок»), впервые опубликованное в № 17-18 журнала «Азат хатын» («Свободная женщина») за 1932 год. При подготовке книги избранных стихов и поэм Фатиха Карима, изданной в 1957 году, оно было переведено Н. Коржавиным.

При всех условностях поэтического перевода, его строки достаточно полно передают отцовское переживание, которое впервые испытал поэт, – смешанное чувство радости, умиления, гордости и надежды. Это в целом, но, ничуть не умаляя дела переводчика, отметим некоторые художественные детали первоисточника, которые помогают Фатиху Кариму изобразить происходящее и выразить переживания персонажей с точной детализацией, в мельчайшей психологической нюансировке. Сделаем это, для сравнения, в виде таблицы с комментариями, где в первом столбце будем приводить строки поэтического перевода стихотворения, а во втором – построчный перевод первоисточника с нашими комментариями.

Сравнительно-сопоставительный анализ первоисточника и поэтического перевода стихотворения Фатиха Карима «Беренче бала»

Перевод	Первоисточник
«Услыхал, / Как мой ребёнок / Голос подаёт» [3, с. 25]	«Үз канымның / тавышын ишеттем» / «Своей крови / голос услышал» [4, с. 261]. С одной стороны, «голос крови» помогает автору передать чувство, обусловленное давними родовыми связями, происхождением, то есть «природное» чувство отцовства. С другой, – отсылает к устойчивому словосочетанию «зов крови», высокому по стилистической характеристике. Это, при всём бытовом характере изображённого и разговорности речи, позволяет придать ей торжественность, приподнятость, поэтичность, высоту звучания
На просьбу лирического героя взять сына руки, жена отвечает: «Твои руки – лёд...» [3, с. 25]	В первоисточнике эта реплика открывается татарским разговорным междометием «абау», употребляющимся для выражения целого комплекса переживаний: испуга, страха, беспоконья, боли, удивления, неожиданности, изумления с упреком и т.п. Так поэту удаётся передать естественность и сложность чувства молодой матери
«Я смотрю, / А сын куда-то / В сторону глядит... / А жена: / – Оставь ребёнка, / Пусть он лучше спит» [3, с. 25]	«Башым иеп / Карыйм күзләренә, / миңа карамый, / Әнкәсе дә / Күкрәгенә яшерә: / – Кит, – ди, – ярамый» / «Склонив голову, / Смотрю в его глаза, / На меня не смотрит, / А мать его / Прячет в груди: / – Уйди, – говорит, – нельзя» [4, с. 261]. Очень важен образ матери (как и само слово «мать», заменённого в переводе на «жену»), стремящейся оградить дитя от любой беды. Её просьба, не смотреть на ребёнка, связана с устойчивым по сей день у татар поверьем, что даже отец способен слглатить младенца
«Мне обидно: / Я, выходит, / Ни при чём... Дела!» [3, с. 25]	«Көнләшүем / Йөрәкне эрнетә...» / «Моя ревность (зависть) / Щемит сердце...» [4, с. 261]. Обида всегда связана с непониманием, чего не может быть в ситуации стихотворения по отношению к матери. А вот ревность вперемешку с завистью со стороны отца психологически мотивированы и вполне понятны
«Но жена / Ещё милее / Стала, чем была» [3, с. 25]	«Нигә анада, / Ана булган саен, / Жылы сөйкемлелек / Үсә янадан?!» / «Почему у матери / С каждым новым материнством (Всякий раз, когда она становится матерью) / Тёплая обаятельность (привлекательность) / Снова растёт?!» [4, с. 261]. Речь опять не о жене, а о матери – причём афористически выражена целая формула материнства, смысл которого – в вечном обновлении жизни
«Что за голос! / Что за слёзы! / Сын, видать, упряма...» [3, с. 26]	«Тавышы... тавышы ла, / Нинди матур, елый, / яшь баскан күзен...» / «Голос... (а, вот так, ну и) голос (же), / До чего красив, плачет, / Глаза полны слёз...» [4, с. 262]. Эмоционально-смысловой спектр усилительной разговорной частицы <i>ла</i> , близкой по значению в русском языке частице <i>же</i> , но не абсолютно ей тождественной, широк: она выражает, с одной стороны, восхищение, удивление, с другой – нетерпеливое, настоятельное утверждение, вежливую, настойчивую просьбу, в то же время – оттенок огорчения. Всё это естественно в свете переживаемого «новоявленным» отцом. Кроме того, частица <i>ла</i> «употр. как связующая музыкальная фраза в середине или в конце строфы» [6, с. 714]. В стихе Карима она более чем органична: придавая напевность поэтической речи, она выполняет «психологическую» функцию – душа поэта поёт. Так автору удаётся мастерски достичь единства формы и содержания
«Вся семья / В составе полном / Улицей идёт» [3, с. 26]	«Без өчәүләп / Кайтып киләбез, / урам тар безгә...» / «Мы втроём / Возвращаемся, / улица узка для нас...» [4, с. 262]. Как пишет С. Г. Исмагилова, «в поэзии Фатиха Карима друг от друга должны быть совершенно неотделимы три лица – отец-мать-ребёнок воспринимаются как единое целое [1, с. 77]. В то же время, при всей их слитности, ни персонажи, ни лирический субъект не утрачивают личностного начала, своеобразия, поэтому так необходимо это наречие «өчәүләп» («втроём»), в котором каждый из трёх образов романтически гиперболизирован: как бы ни были конкретны, образы матери и отца обобщены (они отец и мать в общечеловеческом смысле); глаза ребёнка «как звёзды». Отсюда, а не только от полноты счастья, – «улица узка для нас»
«Соседи пришли Посмотреть / На молодого / Жителя земли» [3, с. 26]	«Саклап кына / Күрсәтәбез / яңа кешене» / «Оберегая, / Показываем / нового человека» [4, с. 262]. Здесь, помимо мотива «обережения», страха родителей за ребёнка, важен мотив «нового человека», который звучит и в финале стихотворения, и вообще мотив новизны, заявленный, как мы видели, ещё в образе матери, и связанный с выражением идеи вечности жизни

Перевод	Первоисточник
«Мой родимый / Человечек, / Вырастай в борца» [3, с. 27]	«Яна кеше, / Бер көрәшче үсәр / безнен улыбыздан» / «Новый человек, / Несравненный борец вырастет / из нашего сына» [4, с. 263]. Конечно, в этом «новом человеке», из которого должен вырасти «борец», заключен и социально-политический смысл: речь о борце в деле строительства новой, социалистической жизни, во имя светлого коммунистического будущего. Тем более, что в тексте первоисточника указано «классовое» происхождение мальчика: его родители – комсомольцы, он их «общий» ребёнок, потому им не жалко показать его соседям: «Комсомолка, / Комсомолның / уртак баласын / Кызганмыйбыз, / Әйдә, алар / кызыгып карасын» / «Комсомолки, / Комсомольца / совместного ребёнка / Нам не жалко <показать> / Пусть они / Полюбуются» [Там же, с. 262]. С другой стороны, какой татарин, памятуя о национальной спортивной борьбе «көрәш» (курэш), не пожелает своему сыну расти здоровым, чтобы стать настоящим бойцом. Неслучайно же здесь тесное соседство, сопряжение «яна кеше» – «бер көрәшче»: стихотворение вершится гимном, прославлением новой жизни

Художественные достоинства «Первого ребёнка» и его значимость в процессе роста поэтического мастерства Фатиха Карима и обретения им творческой индивидуальности не раз отмечались в литературоведении. «Здесь лирическая теплота, нежность, искренность наглядно соединяются, и, начиная с этого стихотворения, обнаруживается устремление Ф. Карима к достижению совершенства в поэтической передаче достоверности, точности чувств. Этот успех открывает поэту путь к избавлению от риторики, от чтения морали...» [5, с. 36], – пишет З. М. Мазитов. Ему вторит Р. С. Зарипова: указывая на естественность поэтической речи, на желание поэта быть понятным читателю, близким, «своим», она отмечает, что стихотворение является одним из первых в поэзии Фатиха Карима примеров лирико-интимного изображения, решения темы [2, с. 86]. В добавление к сказанному коллегами и резюмируя проведённый сравнительно-сопоставительный анализ стихотворения и его поэтического перевода, подчеркнём: главная удача автора состояла в том, что ему удалось событие личной жизни «переплавить» в событие художественно-эстетическое, придав ему общечеловеческий, философский характер. Таким образом, состоялся акт истинного творчества, высокой поэзии. А удалось это потому, что в лирике Фатиха Карима всё настойчивее начинают звучать «личные» темы, высвечиваться родные ему образы – темы любви, семьи и детства, образы отца, матери и ребёнка. С ними по преимуществу связаны все творческие находки и достижения поэта в 1930-е годы. А «Первый ребенок», создание которого было, по всей видимости, мотивировано «биографически», был одним из первых «детей» Фатиха Карима в смысле высоко-поэтическом.

Список литературы

1. **Исмагилова С. Г.** Мир детства в поэзии Фатиха Карима // Фатих Карим – поэт и воин: мат-лы межрегиональной науч.-практ. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения Фатыха Карима (19 мая 2009 г.). Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2009. С. 76-84.
2. **Зарипова Р. С.** Фатих Карим и татарская литература // Фатих Карим – поэт и воин: мат-лы межрегиональной науч.-практ. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения Фатыха Карима (19 мая 2009 г.). Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2009. С. 84-96.
3. **Карим Ф.** Избранные стихи и поэмы. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 220 с.
4. **Карим Ф.** Әсәрләр (Произведения): в 3-х т. Казань: Татарское книжное изд-во, 1979-1981. Т. 1. 318 с.
5. **Мазитов З. М.** Фатих Карим: очерк жизненного и творческого пути. Казань: Татарское книжное изд-во, 1963. 172 с.
6. **Татарско-русский словарь:** в 2-х т. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. 726 с.

“CHILD’S” THEME IN POEMS BY FATIKH KARIM OF THE 1930S

Sarchin Ramil' Shavketovich, Ph. D. in Philology
Tatarstan Academy of Sciences in Kazan
rsarchin@yandex.ru

The article is devoted to the study of the poems by Fatikh Karim of the 1930s on “child’s” subject matter. Poems about children and for children constitute one of the innermost lyric pages of his creative work. The most mature artistic achievements of the creator are connected with them. Special place is given to the comparative-contrastive analysis of the primary source of the poem “*Беренчен бала*” (“The First Child”) and its poetic translation.

Key words and phrases: the Tatar poetry; lyrics; childhood theme; “minor motherland”; poetic translation; comparative-contrastive analysis.